

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Переписка Д. П. Огицкого с епископом Афанасием (Сахаровым)

Я — минималист, сторонник лишь самых необходимых изменений.

Из эпистолярного наследия Д. П. Огицкого

Дмитрий Петрович Огицкий принадлежит к тому поколению деятелей церковной науки, о котором мы знаем очень немного: эти люди почти не имели возможности публиковать результаты своих исследований. Их предшественники успели потрудиться в дореволюционной богословской школе, их ученики дожили до нынешних либеральных времен. А поколение преподавателей Духовных школ, к которому принадлежит Д. П. Огицкий, стало связующим звеном, дающим нам возможность говорить о преемственности в русской богословской традиции.

Д. П. Огицкий родился 26 октября 1908 года в Петербурге в семье священника. Его мать была учительницей. Семья часто меняла место жительства. В 1915 году священник Петр Огицкий был переведен в пос. Селявичи (Гродненская обл.), затем во Владимир, потом сменил еще несколько мест служения. Наконец летом 1921 года семья осела в Селявичах. В 1922 году 13-летний Дмитрий поступил в 5-й класс Литовской Духовной семинарии, в 1927 году — на Православное Богословское отделение Варшавского университета (*Studio Teologii Pravosławnej Uniwersytetu Warszawskiego*).

Студиум, где учился Д. П. Огицкий, достоин отдельного рассказа. В отличие, например, от парижского Свято-Сергиевского Богословского института, который создавался с нуля, Studijum имел возможность продолжать традиции русской богословской школы. В распоряжении студентов была прекрасная библиотека. Очень сильным был состав профессоров. В послереволюционные годы здесь преподавали митрополит Дионисий (Валединский), Н. Арсеньев, В. Биднов, И. Огиенко, М. Зызыкин, А. Лотоцкий и др. Университет издавал журнал «Елпіс» («Надежда»). Кроме того, преподаватели и студенты могли сотрудничать в православных периодических изданиях, которых на территории Речи Посполитой выходило около сорока¹. В одном из этих журналов — варшавском «Вестнике Братства православных богословов в Польше» появляется первая статья Д. П. Огицкого, посвященная уставным особенностям службы Великой Пятницы при совпадении ее с праздником Благовещения.²

После окончания Studijum Д. П. Огицкий поступает в Виленский университет. Одновременно с этим он преподает в Виленской Духовной семинарии.

После включения Прибалтики и Западной Белоруссии в состав Советского Союза Д. П. Огицкий перебирается в г. Щучин (Гродненской обл.), где служил его отец. Дмитрий Петрович преподавал в начальной школе, а по воскресеньям вместе со своими учениками пел в церковном хоре.

Материал подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 97-04-06-305.

Публикуемые материалы хранятся в архиве епископа Афанасия (Сахарова). Публикация стала возможной благодаря помощи хранителя архива протоиерея Андрея Тетерина (г. Петушки Владимирской епархии). Биографические сведения о Д. П. Огицком сообщены хранителем его архива В. П. Мациевой (г. Щучин Гродненской обл.). Пользуюсь случаем выразить им свою признательность.

Д. П. Огицкий

После войны, когда на территории СССР стали открываться Духовные школы, Д. П. Огицкий становится преподавателем Жировицкой (в 1947 году), а затем Ставропольской Духовной семинарии³. Работа брала много сил. «Как инспектору, — пишет он епископу Афанасию (Сахарову)⁴, — мне не приходится пользоваться той свободой, которой пользуются другие преподаватели. Летом, когда все разъезжаются, ректору и инспектору приходится отдуваться: начинаются бесконечные ремонты, подготовка к новому году. Сейчас, например, у нас идет большая стройка. Частично разрушено старое здание, вырыты глубокие обширные котлованы для полуподвала (куда перейдут кухня, столовая, кладовые и пр.) Расширяются и общие габариты. Работа начата два месяца тому назад, за это время вынуто много кубометров земли, и уже радуют глаз высокие стены новой структуры. Кроме расширения «пищеблока» в другом конце здания ведутся работы, которые позволяют несколько расширить и классные помещения. В общем, должно по-

лучиться очень много новой полезной площади. Все это надо закончить к началу занятий». Д. П. Огицкого волнует и преподавательский состав. «В нашу среду, — пишет он в другом письме⁵, — влилось несколько новых преподавателей из молодежи. Спасибо Учебному комитету — нам прислали не «отсев», а, видимо, лучшее, что у них имелось, — юноши благочестивые и очень серьезные. И мы с отцом ректором взираем на них с надеждой». Однако эта работа продолжается недолго. В печати начинается пропагандистская кампания — подготовка перед закрытием семинарии. «Письма трудающихся» с требованием закрыть семинарию следуют одно за другим. В появившейся тогда книге «Святые пенаты» ректор семинарии протоиерей Михаил Рудецкий и инспектор Дмитрий Огицкий обвиняются в разращении молодежи и пьянстве.

В 1960 году Ставропольская семинария была закрыта. «Состоялось закрытие семинарии, — пишет Д. П. Огицкий епископу Афанасию⁶. — Начался большой судебный процесс, продолжавшийся целый месяц, над бывшим экономом и бывшим ректором, а

Епископ Афанасий
(Сахаров)

также над целым рядом ответственных работников торговых и иных организаций за имевшее место в прошлом незаконное приобретение материалов на постройку. <...> Процесс был заснят кинокамерой. Отец Михаил (Рудецкий. – Прим. сост.) держался с достоинством. <...> Но повредил себе тем, что не “каялся” и в заключительной речи сказал все, что думал о процессе. Ему дали 3 года условно. Сейчас он без прихода и без всякой работы. Живет у зятя в Пятигорске. Семья в Ставрополе. Матушка заканчивает курсы кройки и шитья».

В поисках работы Д. П. Огицкий едет в Патриархию и получает назначение в Жировицкую семинарию. «Постановление о моем назначении в Жировицы, – пишет он в том же письме, – было оформлено и утверждено 15 сентября, и в этот день я получил назначение на руки. Даниил Андреевич⁷ мне советовал торопиться, и когда я завел речь о необходимости поездки в Ставрополь за вещами, он сказал, что лучше эту поездку отложить, а в Жировицы ехать не откладывая. Я так и сделал и взял билет на 16-е».

В 1966 году Д. П. Огицкий переходит в Московскую Духовную семинарию и академию, где преподает греческий язык. Вскоре он становится заведующим аспирантурой МДА, членом редколлегии «Богословских трудов», членом Комиссии Синода по вопросам христианского единства, получает ученую степень магистра и звание профессора.

В 1971 года Д. П. Огицкий награждается орденом святого равноапостольного князя Владимира III степени, а в 1976 году – II степени. После выхода в 1976 году на пенсию летом 1982 года он переезжает в родительский дом в г. Щучин.

Последние годы жизни были омрачены житейскими неурядицами. Еще в 1949 году Д. П. Огицкий поселил в своем доме семью репрессированного протоиерея Бориса Ясинского, своего товарища по Виленской семинарии. Сам Д. П. Огицкий в родительском доме почти не жил, потому что преподавал в Жировицах, Ставрополе, Сергиевом Посаде. Вернувшись в Щучин, старый профессор подвергся настоящей травле со стороны тех людей, которым он когда-то предоставил кров⁸.

5 октября 1994 года Д. П. Огицкий скончался.

В центре научных интересов Д. П. Огицкого находились проблемы литургики. Любя и зная богослужебный Устав, профессор Огицкий стремился сделать прихожан сознательными участниками богослужения. Кроме упомянутой выше статьи «О службе Великой Пятницы...» ему принадлежат статьи «Проблема церковного календаря»⁹, «Канонические нормы православной пасхалии и проблема датировки Пасхи в условиях нашего времени»¹⁰, «О расхождениях в определении дня праздника Пасхи»¹¹ и др. Предметом постоянного интереса Д. П. Огицкого были жития и подвиги святых Юго-Западной Руси¹² – края, с которым его многое связывало. Много внимания уделял Д. П. Огицкий вопросам истории Римско-Католической Церкви, что, по всей вероятности, было связано с его работой в Комиссии по христианскому единству. Ему принадлежит подробный разбор книги Ф. Дворника «Схизма Фотия: История и легенда»¹³. Цель, которую преследовал Д. П. Огицкий, работая над статьей, – познакомить русского православного читателя с этим классическим трудом, посвященным истории разделения Церквей¹⁴. Эта работа кажется тем более значимой, что труды Дворника не переведены на русский язык до сих пор.

Спорам об исходжении Святого Духа посвящена работа Д. П. Огицкого о Константинопольских Соборах 869–870 и 879–880 годов¹⁵. Московский священник Максим Козлов переработал издание машинописного курса Д. П. Огицкого по сравнительному богословию¹⁶, которое было выпущено Московской Духовной академией в 1995 году.

Научное наследие Д. П. Огицкого не собрано и почти не издано. Неизвестно, когда будут изданы сохраняемые В. П. Мациевой рукописные материалы Д. П. Огицкого.

Публикуемая ниже подборка писем подготовлена на основе материалов, хранящихся в архиве епископа Афанасия (Сахарова). Тема этих писем – вопросы богослужебного Устава и исправления богослужебных книг – всегда волновала Д. П. Огицкого. При чтении этих писем не следует забывать, что перед нами частная переписка, не предназначавшаяся для публикации. Этим объясняются многие резкие высказывания и характеристики. Письма адресованы единомышленнику, а не широкой публике.

Публикация осуществляется по автографам, хранящимся в архиве епископа Афанасия (Сахарова). Завершает публикацию письмо епископа Афанасия Д. П. Огицкому.

Письмо Д. П. Огицкого епископу Афанасию (Сахарову) от 29 октября 1960 года¹⁷

Ваше Преосвященство, дорогой, высокочтимый Владыко!

Вот еще один годовой круг неслышно совершила наша отягченная грехами планета, и мы вновь у озаряемых необычной звездой яслей вертепа. Вновь касаются нашего слуха святые, чистые, неземные слова рождественских песнопений, и мы опять окидываем умственным взором прошлое, стараемся проникнуть в будущее, задумываемся над настоящим. В эти минуты торжественной сосредоточенности несутся навстречу друг другу из края в край взаимные приветствия, поздравления, благопожелания. Всей душой устремляю к Вам, дорогой мой Владыко, в один из таких предрождественских вечеров свои мысли и чувства, свое малое рождественское приветствие. В вертепе Родившийся и во яслех Возлегий да будет для нас светом и солнцем, озаряющим наш жизненный путь, рассеивающим наши скорбные мысли. В этих чувствах сердечно поздравляю Вас с дорогим нашему сердцу праздником, желаю милостей Господних в грядущем новом году. Прошу для себя, грешного, святительского благословения...

Ваш недостойный Д. Огицкий

Письма Д. П. Огицкого о богослужебном Уставе

Проблемы богослужебного Устава занимают в переписке Д. П. Огицкого одно из основных мест. Это и следующее письмо связаны с работой Д. П. Огицкого в Синодальной Календарно-богослужебной комиссии¹⁸

Епископу Афанасию от 21 июня 1957 года¹⁹

Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко!

Видно, опять не придется мне принять участие в заседании комиссии. Вот уже почти месяц, как я хвораю, и все никак не могу прийти в норму. Вчера опять стало хуже.

Посылаю листки материалов с кое-какими пометками.

Вопрос о плащанице – сложный вопрос. Вход в алтарь после славословия составляет древнейшую основу утрени Великой Субботы. Но он появился еще тогда, когда не было плащаницы. Тогда было все логично и естественно. С появлением плащаницы все стало гораздо сложнее. А особенно все усложнилось после того, как плащаница перестала быть просто иконой Погребения, а стала чем-то более важным и заняла такое видное, можно сказать центральное, место в богослужении последних двух дней. Новое стало плохо вязаться со старым. Теперь странно было бы после великого славословия оставлять плащаницу на средине церкви и уходить от нее в алтарь для сидения на горнем месте, так же странно было бы вносить плащаницу в алтарь вместе с Евангелием, не менее странно подносить плащаницу к алтарю и возвращать на прежнее место. У нас в этот момент совершается какое-то странное подобие «входа» с моментальным выходом из алтаря.

Вообще же, поскольку плащаница теперь у нас символизирует Тело Спасителя, снятое с Креста, естественно было бы совершать крестный ход с ней не в субботу, а в пятницу (как это кое-где и делают). В субботу же совершенно не следовало бы трогать плащаницы, чтобы не нарушать великого покоя этого дня, покоя запечатанного гроба.

Поэтому после великого славословия теперь, при изменившихся условиях, пожалуй, следовало бы совершать не вход в алтарь, а скорее выход из алтаря к плащанице.

Все это говорю с многократным повторением частицы «бы». Что же касается текста самих «Богослужебных указаний», где надо обходиться без этого «бы», то мне кажется, что в таких, особо запутанных вопросах, когда у нас самих нет твердого и окон-

чательного решения, не следовало бы торопиться с отменой старого и введением нового, а держаться прошлогодних указаний как основы и вносить сюда лишь наиболее бесспорные улучшения. Эти «Указания», надо признать, все же в общем были составлены довольно солидно. А если между старыми и новыми указаниями будут слишком большие, дезориентирующие читателя противоречия, то духовенство будет в недоумении, кому верить.

В данном случае я не за консерватизм, а за осторожность и постепенность улучшений.

Епископу Афанасию от 19–22 апреля 1961 года

Ваше Преосвященство, высокочтимый и дорогой Владыко!

Вчера вернулся с каникул. Был обрадован Вашим письмом и с большим интересом прочел Ваши заметки «О некоторых деталях богослужения в праздник Благовещения при совпадении его с Великим Пятком».

Под свежим впечатлением хочу поделиться своими мыслями.

Всей душой присоединяюсь к Вашей точке зрения относительно неуместности полиелая в этот день. Вы так хорошо это аргументировали.

Что касается другого вопроса – о времени и чине выноса плащаницы, то мне представляется момент после заамвонной молитвы (перед «Буди имя») наиболее подходящим для совершения этого чина, по аналогии с чинами великого освящения воды в навечерие Крещения, освящения колива в навечерие дня памяти св. Феодора и т. п. Мне кажется, митрополит Филарет в данном случае прав. Нести плащаницу мимо жертвенника, на котором стоят еще не потребленные Святые Дары, конечно, неудобно и опасно. Но можно было бы вынести ее через царские врата. В некоторых храмах она всегда так выносится.

Синодальное распоряжение 1855 года мне представляется неудачным²⁰. Ведь что получается? Служится вечерняя Литургия; после нее поставляется трапеза; *покушавши*, все сходятся на вынос плащаницы. Об этом, видимо, Синод не подумал. Или, может быть, он имел в виду, что предусмотренная Типиконом трапеза с вином должна быть отложена на время после выноса плащаницы, то есть после повечерия. Святейший Правительствующий Синод мог и такое допустить. Но тогда налицо двойное нарушение Устава – обедня без обеда и вечерняя трапеза *после* повечерия. Даже в обычные, скромные дни за это положена епитимия (Номоканон Великого Требника). А уж что говорить про Великий Пяток!

Погребение Спасителя – это главное воспоминание вечерни Великого Пятка. Попутно хочется заметить, что мы без достаточных оснований усвоем название «Погребение» (вслед за Преосвященным Никанором Херсонским) утрени Великой Субботы. Какое могло быть погребение в день покоя? Даже мириносицы «в субботу умолчаша по заповеди»! Утреня Великой Субботы – это не погребение, не благословенная во веки святая хлопотливость и торопливость Иосифа с Никодимом, а совсем другое – спокойная торжественность великой Надгробной Песни, такой сосредоточенной и неземной, что ее можно сравнить с молчанием. «Что сие днесь молчание велие на земли?» (начало уставного слова Епифания Кипрского на этой службе). Погребение же Спасителя – это другая торжественная служба, это вечерня Великого Пятка. По Иерусалимскому Уставу и Евангелие читалось на этой службе только о погребении. Сейчас трудно представить себе эту службу без выноса плащаницы. И во всяком случае, если уж выносить плащаницу, то не после отпуста, как это указано в упоминаемом Вами синодальном распоряжении 1877 года²¹, ибо это затачило бы превращать чин этот, живописующий самое погребение, в некий убогий придаток.

С чем мне особенно трудно согласиться, так это с одобляемой Вами практикой Большого Успенского собора²².

Обычная утренняя Литургия без вечерни – после 9-го часа!

Если это не грубое нарушение твердо сложившихся уставных принципов, тогда что же считать грубым нарушением? Если это допустимо, тогда что недопустимо? Тогда все допустимо.

У нас прочно установилось в постные дни Великого поста начинать Литургию после 9-го часа не иначе, как вечерней. Если сразу после 6-го часа идет 9-й – значит, строй богослужения постный. А при таком строе Литургия всегда начинается с вечерни. Правда, многие батюшки велят читать 9-й час, когда на проскомидии много записок и они не успевают их прочесть до окончания 6-го часа. Вопрос о том, как начинать следующую далее Литургию – с вечерни или как обычно, их совсем не беспокоит. Но это нарушение Устава, и на него ссылаться не приходится. Есть в нашем богослужении моменты, которые как бы задают тон всему богослужению, определяют его характер, например «Аллилуиа» или «Бог Господь» на утрени. К таким моментам относится и начало Литургии. Если после возгласа «Благословено Царство» следует чтение предначинательного псалма, всякому постяному посетителю церкви ясно, что это постное богослужение. Если «Благослови», «Единородный», «Во Царствии» – строй обычный.

Отличие двух «непостных» седмичных дней от прочих пяти, чему придается такое большое значение в канонических правилах, у нас теперь, по сути дела, почти только в том и состоит, что в непостные дни Литургия не начинается с вечерни и совершается ранее 9-го часа, тогда как в дни сугубого поста – наоборот. На этой только ниточке держится сейчас практическое осуществление канонических правил, которым Церковь придает большое значение и нарушение которых подлежит каре отлучения. (Запрет поста в воскресные дни и субботы «кроме единицы» – 64-е Апостольское правило.) Неужели эту последнюю «ниточку» можно так спокойно оборвать?

Все это твердо установленное практика Успенского собора ниспровергает. И когда же? В День, в онъже отъялся Жених! Если в этот день можно служить обычную Литургию, зачем тогда в другие дни поста соблюдать Устав о вечерней Литургии на Благовещение? По-моему, соборная практика в данном случае не просто неудачна, как неудачны, скажем, пассии или акафисты чудотворным иконам. Тут нечто большее, тут удар по центру системы. Тогда уж не довести ли дело до конца и, ничтоже мудрствуя, служить в Великий Пяток Литургию в обычное время – после 6-го часа? Пожалуй, протопопы собора так бы и сделали, если бы не царские часы, которые неудобно разбивать.

Я считаю, что на праздник Благовещения в Великий Пяток может совершаться только вечерняя Литургия.

Второй важный принцип, который неуклонно соблюдается в Типиконе: триодный материал имеет преимущество перед благовещенским и объединяется с ним. Например, на первом месте стихиры триодные, на втором благовещенские. Следовательно, не может быть в триодный период (понедельник – пятница) такой Литургии, на которой пелись бы только благовещенские песнопения. Если этого не может быть в обычные великопостные дни, кольми паче в Великий Пяток!

Припев «Спаси ны, Сыне Божий, молитвами Богородицы, поющия...» – продукт литургической самодеятельности. Его не знает ни Устав, ни литургики. Он и стилистически шероховат (слова «молитвами Богородицы» в подобных припевах стоят в начале, а после «Сыне Божий» требуется определение с артиклем *δ*). По Уставу и на праздники богородичные положен припев «Спаси ны, Сыне Божий, во святых дивен сый...» По-видимому отцы – составители Устава видели в Богородице Возглавительницу всего лика святых, образ всей Церкви.

В такие дни, когда положена вечерняя Литургия (Великий Четверг, Великая Суббота), мне кажется, в богослужебных указаниях даже и заикаться не следует о какой-то ранней Литургии.

О практике совершения ранних Литургий в Великий Четверг и Великую Субботу Булгаков пишет: «Это не должно быть допускаемо по следующим соображениям: совершение Литургии в означенные дни *без вечерни*, а в Великую Субботу и *без переблажения* есть прямое нарушение Устава; нарушаются в данном случае требования

Устава и тем, что, предоставляя настоятелю в другие дни совершать Литургию и раньше и позже положенного времени (9 часов утра), Устав для некоторых особенных дней, в том числе и Великих Четвертка и Субботы, делает исключение, определяя время совершения Литургии в эти дни с строгою точностью: именно в Великий Четверток — в 8-й час дня (по-нашему 2-й пополудни), а в Великую субботу — в 10-й час дня (по-нашему — 4-й пополудни)» (Изд-е 1913 года. С. 770). Булгаков прав, хотя главное возражение против ранних Литургий в эти дни надо искать не в Уставе, а в канонических правилах, которые важнее самого Устава.

Предвижу возражение: ну а если обстоятельства вынуждают служить раннюю? Ну что ж... (развожу руками). Но санкционировать это какими бы то ни было указаниями не надо. Хороших указаний и советов здесь не может быть. Всякие указания на этот счет могут быть только плохими. Богослужебные указания должны учить соблюдению Устава, а не его нарушению. Пусть, нарушая, знают, что нарушают. Не надо прихорашивать нарушений. Тем более что попытки прихорашивания ведут лишь к горшему.

Вызывает у меня сомнение и возможность вторичного совершения 3-го часа (и других часов) после 9-го, часа и Литургии. Правда, у нас сейчас проскомидия не мыслится без часов. Сколько раз служится Литургия, столько раз повторяются часы. В Служебниках поздних изданий часы с проскомидией объединяются общим начальным возгласом «Благословен Бог наш». Но подумали ли редакторы Служебника о том, как чтец из притвора может услышать этот возглас и ответить «Аминь»? Они, вероятно, забыли, что перед утренней Литургией часы если и читаются, то по Уставу их следует читать в притворе. Затем. Мне кажется, что совершение в течение одних богослужебных суток несколько раз одного и того же часа, возврат к 3-му часу после 6-го и даже после 9-го ведет к извращению самого понятия «час». Стрелка суточного богослужебного циферблата не может двигаться туда и сюда. Должны быть какая-то логика и последовательность в этом движении.

Мне кажется, Календарь 1961 года не допустил ошибки, когда указал совершать вечерню Пятидесятницы отдельно от Литургии. Ведь если в Типиконе сказано: прилагаем и 9-й час по обычай или что-то в этом роде (у меня сейчас нет под рукой Типикона), то это значит, что обычное сохраняется, то есть сразу после отпуста Литургии — 144-й псалом, исхождение в трапезную, а потом 9-й час. Служить вечернию Пятидесятницы без предварительной трапезы, как это у нас делается повсеместно, значит превращать день величайшего праздника в день поста и навлекать на себя прещение 64-го Апостольского правила. Следовало бы перед вечерней хоть антидор раздать молящимся, яко да не наречется пост. (Опять «ниточка»!)

На Афонском Всеправославном совещании в 1931 году, как видно из актов, святители собирались на эту вечерню в 3 часа пополудни, по-видимому, после трапезы.

В заключение несколько слов о «строгом посте» в Великую Пятницу, совпадающую с Благовещением.

Правила не единодушны. Одни разрешают вино, другие вино и елей («Аще будет Благовещение в Великий Четверток или в Великий Пяток, подобает причащатися маслу и вину». — Изд-е 1670 года. Л. 472), третьи — даже рыбу (Ἐὰν φθάσῃ ὁ Εὐαγγελισμός τῇ μεγάλῃ πέμπτῃ, ἡ τῇ μεγάλῃ παρασκευῇ, οὐχ διαρτάνομεν οἶνου τηνικῶτα μεταλαβάνοντες καὶ ἰχθύων. В Студийском Уставе: ἐσθίομεν δὲ τότε ἰχθύας καὶ ἔλαιον καὶ πίνομεν γ' — Павлов А. Номоканон. М., 1897. С. 428). Но дело не в этом. Пусть сухоядение, пусть даже без вина. Ведь мы не отмечаем всех дней сухоядения в календаре, а отмечаем пометкой «строгий пост» — пост единственный в своем роде, еще более строгий, чем сухоядение. Вот в этом году такого поста в Великий Пяток нет, и пометки, мне кажется, делать не следовало.

С искренней сыновней любовью
Ваш недостойный Д. Огицкий

Из письма епископу Афанасию от 19 декабря 1957 года²³

Вопрос западных влияний на наше богослужение и искусство — важный и живо-трепещущий вопрос. Давно пора заняться очищением нашей богослужебной практики от латинизмов. Этот вопрос меня лично очень интересует, но нужно хоть немножко свободного времени, а его-то и нет.

Вчера провел со всей семинарией беседу о неуставности совершаемых после Литургии «праздничных» молебнов, акафистов и т. п. (пользовался Вашим трудом), а сегодня, 19. XI, семинария не осталась после Литургии на молебен с акафистом и после отпуста последовала в трапезную. С благословения нашего Владыки думаем и в дальнейшем слушаться призыва «С миром изыдем!». А то до этого все семинаристы после Литургии в воскресные дни всегда пели молебен с неимоверным количеством «запевов», но без канона.

У единоверцев в Москве я тоже бываю. Был и в последний раз. Нравится мне там. Вот бы это поддерживать! У нас же это только «терпят». Почему никогда на всенощную к единоверцам не ходят московские семинаристы? Маленькая церковка и маленький хорик, а его приятнее слушать, чем хваленые московские церковные хоры.

Из письма епископу Афанасию от 10 марта 1960 года²⁴

Что касается назначенных мне земных поклонов:

за власы — 10
за брады — 10
за усы — 10
общих — 3

итого 33,

то я, конечно, покорно их приемлю, тем более что класть поклоны под Вашим, дорогой мой Владыко, наблюдением, вероятно, одно удовольствие. Но... все же кое-что мне бы хотелось сказать и в свою защиту.

Начну не с канонической стороны вопроса, а с практической — с вопроса пользы и вреда. Ведь как-никак и каноны исходят из этих практических соображений и этим практическим соображениям все подчиняют.

К чему ведет культ волос?

Святые отцы обрезали и выметали их вместе с мусором, как мы это делаем с обрезанными ногтями или шелухой от семечек. У нас же в религиозном сознании большинства иерейский волос превратился в святыню, в непременное условие благодатности, в нечто почти столь же обязательное, как антиминс. Разве эта скверная бабья басня не унижает нашу веру?

Мы с отцом Михаилом²⁵ никогда не были сторонниками франтовства, светскости, «скобления рыл» (сам отец Михаил носит длинную бороду), но мы всегда были противниками карикатурной волосатости, непомерной, продиктованной суеверными, нецерковными представлениями об обязанностях священника и приносящей несомненный вред церковному делу. Вы скажете, что сердцу посетителей церкви мил традиционный облик батюшки, у которого железо никогда не всходило на голову. Да, это так. Большинство прихожан любят своего батюшку вместе с его грязными ногтями и нечесанными косичками. Но не следует ли смотреть на вещи шире? Во-первых, не все посетители церкви являются волосопоклонниками. А главное, может ли такой традиционного типа священник быть чем-то большим, чем требоисправителем, может ли он быть *апостолом*? Ведь внешность влияет и на поведение, и на саму психологию человека. Заастать волосами — это все равно что уходить куда-то в дупло. Можно ли себе представить Апостола Павла с длинными женскими волосами? Волосатость, даже благородная, если только она непомерная, отпугивает от священника многих, изоли-

рует его. А что говорить про неблагообразную? Я наблюдаю ее на улицах и на железных дорогах во время своих путешествий и знаю, какой это ужас. Вы, может быть, скажете: по внешнему виду встречают, а по уму и по проповедемому учению провожают. А я на это сказал бы: до ума и до учения доберутся, может быть, единицы, а большинство при виде такой, вызывающей содрогание неряшливой фигуры получат такую крепкую зарядку отвращения, что у них навсегда, на всю жизнь пропадет всякое желание интересоваться внутренним содержанием религии, неразрывно связанной с такими формами. Вы, дорогой Владыко, конечно, смотрите на это по-другому — глазами епископа и монаха, которому не приходится запросто расхаживать по улицам и сливаться с толпой. А я нахожусь в другом положении иижу вещи с другой стороны, и мне кажется, что, чтобы сделать правильный вывод, надо учесть и то и другое. Чехов говорил: “В человеке должно быть все прекрасно”. Мне кажется, и в Церкви должно быть все прекрасно, и внешность священнослужителя тоже. И зачем лишний повод для поругания Церкви?

И если канонические правила не запрещают священнику брать в руки ножницы (Правила Трулльского Собора 21-е, 42-е), то их и не надо бояться. Что же касается подробностей, какой длины должны быть волосы, то это вопрос уже второстепенный. В общем, я за длинные волосы, но не непомерно длинные. А «венец»? «Венец» никогда прямо не предписывался, и воскрешать традиции надо с разбором²⁶.

Письма об исправлении богослужебных текстов и качестве отдельных молитвословий и чинопоследований

Из письма епископу Афанасию от 6 декабря 1959 года²⁷

У греков действительно много новых молитвословий. Но этому не всегда нужно особенно радоваться, и не всегда приходится скорбеть о том, что эти молитвословия не вошли в наши книги.

Передо мной хорошо изданный *‘Ημερολόγιον* (τῆς ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος τοῦ ἔτους. 1959). В нем много новых тропарей, величаний в честь святых для Литургии (перед «И даждь нам, Владыко!» (так в оригинале. — Ред.)) и целых служб, например Марку Ефесскому, Фотию Константинопольскому. Пышные похвалы и вместе с тем какая-то бессоность, как в тех службах, что мы пытались исправлять. Едва ли есть какая-то реальная польза от перегрузки Миней подобными службами. Мне кажется, в богослужении надо культивировать самое ценное: Октоих, Триодь и то из Миней, что там самое важное, самое несомненное. А Минею общую, пожалуй, лучше было бы вообще изъять: разве можно прославлять по общей Минее?

Епископу Афанасию от 25 января 1962 года²⁸

Ваше Преосвященство, высокочтимый и дорогой Владыко!

Из письма, которое несколько дней тому назад я послал Нине Сергеевне, Вы, вероятно, знаете о моем плевrite. Чувствую себя пока очень неуверенно. Температура то приближается к нормальной, то опять поднимается до 37 с делениями. На уроки все же хожу, так как это в одном помещении. Здесь многие сейчас болеют гриппом.

Указание Типикона о чтениях на вечерне под Рождество в два «непостных» дня и мне представлялось странным. И я согласен с тем, что Вы пишете о желательности исправления этой «ошибки». Непонятно мне только, как эта ошибка могла закрасться в Типикон и каков ее источник²⁹.

Перевод богоявленских канонов внимательно читаю и с большим интересом. Многое ранее непонятное становится понятным. Считаю такой исправленный перевод очень нужным и полезным, а для второго канона — это прямо-таки вопиющая необходимость.

Правда, я, вероятно, проявил бы больше консерватизма в отношении к грамматическим особенностям церковнославянского языка, не ради самого консерватизма,

а ради единства стиля. Если уж по-славянски, то должен быть сохранен единый славянский тон. А посему: «во бранех», «невредимы сохрани», «прообразоваху», «подзаконни людие», «покры сопротивныя» и т. п. Ведь и Вы пишете «прославися», «глас Словесе», «бе».

Потом, во имя принципа «понятности», мне кажется, не следует выражений необычных, своего рода *ἄποξ λευόμεν'*-ов, заменять выражениями общепринятыми и обычными, например: «в пещи огненной бывших» вместо «пещи огненней приобщившися» или «торжественное свидетельство» вместо «глас державен». Это снижает тон.

Далее, прозаический порядок слов, когда на 1-е место выводится подлежащее и сказуемое, конечно, облегчает понимание, но все же это прозаический порядок. Вот написал это, а примера-то и не найду.

1-я песнь 2-го канона – ирмос. Оказывается, не «Чермный point» (*πόντος ἐρυθρός*), а «Черный point» (*μέλας³⁰ δὲ πόντος*). «Покры купно» – (*ἀρδην*), по словарю – «высоко», «совершенно» (т. е. полностью. – Ред.), а не «купно». Я бы сохранил здесь выражение «водостланный гроб».

1-й тропарь: «Утро светоносное» Вы отождествляете с Христом, «Царем солнца». Не относится ли это к Предтече? Затрудняюсь решить.

Ирмос 3-й песни 1-го канона, конечно, трудно сохранить в его нынешнем виде, хотя выражения взяты из песни Аввакума. Может быть, вместо «людям своим» лучше бы было «нсмоштвующим». Все же это было бы ближе к тексту песни.

3-я песнь 2-го канона: «Слову слагающе от словес песнопение» (*λόγῳ πλέκοντες ἐκ λόγων μελῳδίαν*).

1-й тропарь. Я предложил бы такое окончание: «приразився свету утреннему (*ὅρῳ*), к Владыце, явльшуся сокрушити (*φλᾶν* – неопр. накл.) его (*ἐαυτοῦ*) враждебную главу».

2-й тропарь: «...влечет к себе богоданное естество, утробою мучителя поглощенное, рождает же паки е земнородных возозданием (*γενενῶν ἀναπλάει*); прииде бо, сие избавити (*ἐξαλεξῆσαι*) хотя».

4-я песнь 1-го канона, 1-й тропарь: «сено сый» – не лучше ли «трава сый» (*χόρτος*)?

3-й тропарь: «осудит мя» – (*κατήγορον μοι ἔσται*) = обвинительницей моей будет.

2-й канон, 1-й тропарь: «Ты, посланное от Отца Всесветлое Слово, ноши грядеши отгнati зловечерний зломрачный образ, искореняя человеков грехи...»

2-й тропарь: «...сей, сый прежде мене, второй, яко сообразный мне по плоти, возсия силою божественною...»

3-й тропарь – самый трудный для перевода во всем каноне. Я бы так перевел: «К пажити сей живоносней приводя, ловы творит (*θηρᾷ* – охотится) Бог-Слово (оба эти глагола в греческом тексте не имеют дополнения), наступая на змеиные гнезда, страшные их сплетения истребляя (*ἀπλῆτα* – страшные, неприступные, а вовсе не «многия», многие было бы *ἀπλέτα*) и пятою попирая уязвляющего весь род человеческий, сего поразив...»

5-я песнь 1-го канона, 2-й тропарь: «Подобно земледельцу Зиждитель» – *Γεωργος δὲ καὶ Δημηουρος*.

Очень прошу Вас, родной Владыко, не вменить мне в вину небрежность и торопливость письма. Дело в том, что хочу воспользоваться возможностью отправить его сейчас. А я не всегда имею эту возможность, тем более что сейчас не выхожу.

Сердечный привет Нине Сергеевне.

С искренней сыновней любовью

Ваш недостойный *Д. Огицкий*

P. S. Меня интересует, как в исправленной Триоди выглядит начало подобна Великой Среды: «Отчаянная жития ради и уведомая нрава ради»³¹.

(Стихира на хвалитех и на «Господи воззвах»).

Если в последнем издании Триоди вышеприведенные слова как-либо изменены, то я просил бы, Владыко, как-нибудь при случае, если это Вас не затруднит, написать мне эти начальные слова стихиры в новом переводе.

Д. О.

Епископу Афанасию от 27 марта 1962 года²

Ваше Преосвященство, высокочтимый и дорогой мой Владыка!

В предыдущем, торопливо написанном письме я предложил несколько своих вариантов на отдельные места славянского перевода богоявленских канонов. Вопрос улучшения перевода и меня интересует. Есть места, над которыми приходится много думать. Я даже начал было, *pro domo mea* (для себя; букв. — для дома моего. — Ред.), излагать текст этих канонов в той редакции, которая мне лично представляется практически наиболее приемлемой в наших условиях.

Как Вы знаете, я в этом вопросе — минималист, сторонник лишь самых необходимых изменений нынешнего текста, с сохранением общего церковнославянского колорита. Прилагаю результат своего опыта перевода. Написал я пока текст лишь 1-й песни обоих канонов, да и то не все получилось гладко. Застрял на последних словах последнего тропаря: *χρηματίζει τὴν φύσιν*. Глагол *χρηματίζω* имеет несколько исходных значений, и нелегко догадаться, в каком именно смысле употребил его в данном месте Иоанн Дамаскин. По-видимому, основное значение этого глагола — «информирую» (в Евангелии о волхвах: *καὶ χρηματισθέντες καὶ ὅναρ — и весть примиша во сне*). Я перевел «озаряет естество», но не уверен в том, что именно такова мысль певчего.

На 1-й неделе мы говели. Затемно служилась полунощница и сразу после нее утреня, на которой канон сопровождался пением библейских песней. После 1-го часа и литии бывал расход. В половине 11-го начинались часы, заключавшиеся вечерней. В 6 часов вечера — мефимон (название великого повечерия, от греч. μεθ' τῆραν ὁ Θεός — с нами Бог. — Ред.).

Здесь кое-кто из иереев в тропаре 3-го часа читает: «Но обнови в нас молящихся». Ссылаются на одно издание учебного часослова, где так именно напечатано. Просили меня узнать Ваше мнение. Мне кажется, «в нас» может быть обновлен только наш дух, то есть дух с малой буквы, а Дух Святой не обновляется, а обновляет.

В четверг Великого канона апостольский трипеснец поют обычно без ирмосов, что как будто оправдывается указанием Типикона. Но в Триоди, славянской и греческой, сказано лишь, что трипеснец поется без поклонов (*ἄνευ μετανοῶν*), а ирмосы напечатаны полностью, как предназначенные для исполнения. Да и в старопечатных изданиях Типикона ничего не говорится об отмене ирмосов. Невольно приходится в Типиконе подозревать порчу текста. Может быть, и там следовало бы читать вместо «без ирмосов» — «без поклонов».

Владыка Ермоген здравствует, служит, дай ему Бог здоровья.

Сердечно приветствую Нину Сергеевну.

С любовью Ваш недостойный Д. Огицкий

Письмо епископа Афанасия (Сахарова) Д. П. Огицкому³

1958 г. 13.12 — апостола Андрея Первозванного

Милость Божия буди с Вами, родной мой Димитрий Петрович!

Я получил Ваше большое и чрезвычайно интересное письмо. Не знаю, сумею ли подробно на него ответить?

Начну с Ваших сомнений по поводу нового чина «О хотящих по воздуху шествовать».

Я всегда рад выслушать критику моих мнений и готов отказаться от них, если меня убедят в их ошибочности. Сейчас я посыпаю Вам листочки с поправками и дополн-

нениями к моей статье о «О поминовении»³⁴. Из них Вы, между прочим, узнаете, что я согласился с Вашиими и Николая Димитриевича³⁵ разъяснениями относительно службы «Со аллилуией» в субботу Димитриевскую и внес в свою статью соответствующие изменения. И свои возражения против Ваших «сомнений» я хочу высказать отнюдь не потому, что «сомнения» касаются мной составленного чинопоследования.

Вы боитесь модернизации в богослужении. Боюсь ее и я. Но разве все новое в богослужении – непременно «модерн»? Разве Церковь не имеет уже права составлять новые чинопоследования и новые молитвословия? Вся история богослужения не говорит ли о том, что Церковь всегда пользовалась этим правом. И может быть, надо пожалеть, что у нас позабыты многие чинопоследования и молитвы на разные потребы, которых много было и в греческих, и в древнерусских потребниках. Смотрите, например, в книге Прилуцкого «Частное богослужение в Русской Церкви в XVI–XVII в.», глава шестая. Все эти последования ни в какой связи с Требником Петра Могилы не состоят. Это не то, что чины нашего Дополнительного требника.

В обилии молитв на разные потребы, бывших в старорусских потребниках, я вижу не «модернизацию» богослужения, а заботу русских людей о возможной христианизации, если можно так выразиться, об оцерковлении всех сторон мирской жизни, домашней обстановки, семейного быта. И подобно тому, как русские люди старались уподобить свои дома Домам Божиим (обилие икон, лампад), так и свою домашнюю молитву, свои прошения на разные случаи жизни и домашнего обихода они стремились слагать так, чтобы эти их моления насколько возможно походили на молитвы, возносимые в храмах во время богослужения, чтобы «чины на разные потребы» насколько возможно походили на чины церковные.

Верующий человек всякое дело начинает молитвою. То несомненно, что Господу не нужно много слов. Если православный пред началом дела перекрестится и с верою скажет: «Господи, благослови», Господь услышит эту краткую молитву и поможет просящему во всех деталях предстоящего дела. Слова молитвы нужны для молящегося. А для православного естественно желание свою домашнюю молитву, хотя бы и о самых житейских вещах, насколько возможно приблизить даже и со стороны словесной формы к формам молитвы церковной. Правда, некоторые из древних молитв и чинов на разные потребы иногда принимали форму осуждаемых Церковию заговоров. Но искажение идеи никогда не может быть достаточным основанием для отрицания самой идеи. К сожалению, в наше время, кажется, нельзя и думать о возможности восстановить употребление хотя бы некоторых из древних молитв на различные потребы. Говорю: «к сожалению», ибо забвение этих молитв не считаю полезным отрезвлением от модернизации, а наоборот, печальным свидетельством отхождения от Церкви, обмиршения, расцерковления...

Вот Вы находите заслуживающим внимания начало моей молитвы «О по воздуху шествующих», только считаете неподходящим тот случай, для которого я ее предназначаю... Что же? Найдите более подходящий и там употребите его, я не буду возражать...

Вы упоминаете о молебном пении перед учением, но я не могу понять, как расцениваете этот чин Вы с Вашей точки зрения? Что это? – Модерн или действительно потребный чин, в котором только есть некоторые не всегда соответствующие части? Вы меня так запугали Вашей «модернизацией», что я уже и не знаю, говорить ли Вам о том, о чем я давно подумывал поделиться с Вами... Но все равно... Была не была... Скажу...

Как кажется, я говорил Вам, что я занимаюсь исправлением богослужебных текстов³⁶, точнее – маю мои книги. Между прочим, я замарал и всю мою «Книгу молебных пений»... И не только замарал, но кое-что прибавил, кое-что изменил... Один опыт моей модернизации Вам теперь известен. Есть еще и другие опыты. Между прочим, есть два опыта молебных пений перед началом учения отроков и перед началом учения юношей и взрослых. В обоих последованиях, во-первых, особые избранные псалмы. Во-вторых, в первом последовании прокимен: «Хвалите, отроки, Господа,

хвалите имя Господне». Стих: «Буди имя Господне благословено от ныне и до века». Во втором — прокимен: «Начало премудрости страх Господень». Стих: «Благословлю Господа вразумившаго мя». Во 2-м последовании другие Апостол и Евангелие — составные. Апостол 1 Кор. 1, 18–25; Кол. 11, 8; 1 Кор. 27–31. Евангелие от Иоанна VIII, 12, 31–32; XII, 36; XIV, 6, 21, 23; XVI, 1–2, 4–5, 7.

Сейчас посмотрел в словаре. Оказывается, слово «модерн» не такое страшное. Буквально оно значит: «новейший, современный». Но разве все «новейшее», все «современное» должно оханывать?.. Вы знаете, что я согласен с Вами во взгляде на акафисты. Большинство из них «модерн» в худом значении этого слова. Но если бы среди них нашлись действительно хорошие, я не возражал бы против разрешения их к церковному употреблению, только в дополнение к основным частям богослужения, а не в замену их. К сожалению, хороших акафистов у нас почти нет. Я посылаю Вам «Акафист Божией Матери ради иконы Ея Владимирская»³⁷, составленный Патриархом Сергием. По-моему — это один из лучших, хотя теперь не все одобряют его за 11-й икос... Считаю очень хорошим и другой акафист того же автора — Боголюбской, но его не посылаю Вам, чтобы не испугать Вас, — он написан стихами, как и канон Боголюбской — «Еksamетрический»³⁸...

Кажется, надо кончать!.. Замучил Вас чтением моего писания...

Теперь несколько слов о другом...

Ленинградский профессор оказался подвижник ставропольского инспектора... Возвращаясь из одной своей заграничной поездки, он по дороге заехал в Петушки... Незадолго до Михайлова дня неожиданно заехал ко мне Николай Дмитриевич³⁹. Но у меня он даже не раздевался. Он нанял случайную машину, которая должна была вернуться к определенному часу в Москву. А Н. Д. ехал во Владимир на могилу там погребенного его брата, когда-то в годы разрухи там жившего. Вместо того, чтобы принимать гостя, я вместе с ним поехал во Владимир. Там отслужили литийки и поехали обратно. Разговор у нас был только во время переездов. Но для меня и это было большое удовольствие. А то вот тут вместо беседы усты к устом — пиши большое письмо!.. Что же делать? Если гора не идет к Магомету, приходится Магомету идти к горе...

Потрудитесь, пожалуйста, передать мой сердечный привет Вашему отцу Ректору, поздравление со днем Ангела и молитвенные благопожелания по сему случаю. Если он или Вы удивитесь запоздалому поздравлению, то я объясню Вам. Во-первых, я раньше не знал, когда отец Ректор спрашивает свои именины; а во-вторых, и самое главное, в подобных случаях я оправдываюсь пословицей: «Именинник в чести — так недель до шести». От Михайлова дня еще не прошло шесть недель, поэтому я к своему поздравлению не добавляю «с прошедшим днем Ангела»... И вам, родной мой Дмитрий Петрович, шлю самые сердечные благожелания. Да хранит Вас Господь и да благословит. Спасайтесь о Господе.

Вступительная статья, подготовка текста и публикация

А. КРАВЕЦКОГО

1. Лабынцев Ю. А. *Всему православному миру*. М., 1995. С. 53.
- 2 *О службе Великой Пятницы при совпадении этого дня с праздником Благовещения // Вестник Братства православных богословов в Польше*. 1938. Год издания 5-й. Кн. 2–3. С. 126–135.
3. В это время Д. П. Огцикский публикует в «Журнале Московской Патриархии» статьи, посвященные Ставропольской семинарии: *Ставропольская Духовная семинария // Журнал Московской Патриархии*. 1954. № 9. С. 73; *Юбилей Ставропольской Духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии*. 1957. № 1. С. 24.
4. *Op. IV. № 25/87. Письмо от 29 июля 1957 года. (В настоящее время архив епископа Афанасия (Сахарова) передан в рукописный отдел Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Все ссылки на архивные источники относятся к этому собранию.)*

5. *Op. IV. № 25/1. Письмо от 23 ноября 1957 года.*
6. *Op. IV. № 25/4. Письмо от 16 ноября 1960 года.*
7. *Д. А. Остапов, личный секретарь Патриарха Алексия I.*
8. См.: *Малычка А. Кароль Лір са Шчучынскага раёна // Народная газета (Щучин). 1992. 26 сентября.*
9. *Богословские труды. М., 1968. № 4. С. 109–116.*
10. *Богословские труды. М., 1971. № 7. С. 204–211.*
11. *Журнал Московской Патриархии. 1963. № 3. С. 68–74.*
12. *Великий князь Войшел // Богословские труды. 1983. № 24. С. 171–196; К истории Виленских мучеников // Богословские труды. 1984. № 25. С. 226–246.*
13. *Огицкий Д. П., проф. Франциск Дворник о Патриархе Фотии Первом // Богословские труды. 1985. № 26. С. 241–268.*
14. Книга Ф. Дворника была написана по-французски, но первое ее издание вышло в 1948 году на английском языке: «The Photian schism: history and legend». Д. П. Огицкий пользуется французским изданием: «François Dvornik. Le schisme de Photius: histoire et légende». Paris, 1950.
15. Константинопольские Соборы 869–870 и 879–880 годов и церковная современность. Актовая речь // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего экзархата. Париж, 1969. № 68. С. 218–227.
16. Огицкий Д. П., Козлов Максим, священник. Православие и западное христианство. Московская Духовная академия, 1995.
17. *Op. IV. № 25/5.*
18. О работе этой комиссии см.: Кравецкий А. Г. Календарно-богослужебная комиссия (1957–1958) // Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 2 (в печати).
19. *Op. IV. № 225/9.*
20. Вероятно, имеется в виду указ митрополита Филарета от 11 марта 1855 года. См.: Никольский К. Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви. СПб. 1907. С. 615. Сноска 1. Однако Д. П. Огицкий сочувственно отзывается об этом мнении митрополита Филарета. Не исключено, что это описка, и Д. П. Огицкий имеет в виду Указ 1877 года (см. примечание 21).
21. Петербургская Духовная консистория в 1877 году сделала следующее распоряжение по сему случаю: «Литургия Св. [Иоанна] Златоуста совершается совместно с вечерней; благовест к Литургии совершается совместно с вечерней; благовест к Литургии в 12 ч. и ранней Литургии не должно быть. По окончании Литургии вслед за отпустом покоятся стихирь на стиховне, положенные на вечерне Великого Пятка; во время пения сих песней Св. Плащаница полагается на престол и служащие переоблачаются из праздничных риз в траурные. При пении тропаря «Благообразный Иосиф» Св. Плащаница выносится по обычаю на середину храма. По отпусте вечерни — обычная песнь на целование Плащаницы и затем повечерие с каноном». Цит. по.: Огицкий Д. О службе Великой Пятницы. С. 133. Целиком текст этого постановления см.: Никольский К. Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви. СПб., 1907. С. 614–615.
22. См.: Никольский К. Указ. соч. С. 614. Сноска 2.
23. *Op. IV. № 25/1.*
24. *Op. IV. № 25/3.*
25. Ректор Ставропольской Духовной семинарии протоиерей Михаил Рудецкий.
26. Ответ епископа Афанасия на это письмо пока не обнаружен, однако в воспоминаниях Н. В. Трапани находим следующее: «Волосам у священников Владыка придавал большое значение. Но был смиренен и справедлив. В бытность его в Петушках ему довелось

познакомиться с молодым священником. Я спросила, какое впечатление произвел на него новый знакомый.

— Хороший батюшка, — сказал Владыка, — только вот зачем он волосы стрижет? Жалко...

Вскоре с одной нашей знакомой случилось большое несчастье <...> В тяжелых ожогах она была доставлена в институт Вишневского, где на четвертый день умерла. В больнице под видом родственника ее посетил тот самый молодой священник, принял исповедь и причастил Святых Таин.

После этого Владыка сказал:

— Беру свои слова назад. Отсутствие волос дает возможность батюшке проникать в больницу и напутствовать умирающих». Т. Н. В. Епископ Афанасий (Сахаров). Воспоминания // Вестник РХД. Париж–Нью-Йорк–Москва, 1983. № 107. С. 209–210.

27. *Op. IV. № 25/2.*
28. *Op. IV. № 25/11.*
29. *В этом месте на полях письма рукой епископа Афанасия сделана карандашная помета: «См. у Архиепископа] Серги[я]. Имеется в виду составленный архиепископом Сергием (Спасским) «Полный месяцеслов Востока».*
30. *Черный, темный, темно-красный; в переносном значении] — черный, мрачный (Вейсман. Греческо-русский словарь. СПб., 1879. Стлб. 789). — Прим. Д. П. Огицкого.*
31. *Имеются в виду исправленные в начале века Постная и Цветная Триоди. Об этих текстах см.: Плетнев А. А. Исправление богослужебных книг в начале XX века: Материалы к учебнику церковнославянского языка // Славяноведение. М., 1994. № 2. С. 100–115.*
32. *Op. IV. № 25/11.*
33. *Op. IV. № 5.*
34. *Имеется в виду книга епископа Афанасия «О поминовении усопших по уставу Православной Церкви» (СПб. 1995).*
35. *Н. Д. Успенский — профессор Ленинградской Духовной академии, известный литургист.*
36. *См.: Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. Деятельность епископа Афанасия (Сахарова) по исправлению богослужебных книг // Славяноведение. М., 1996. № 1.*
37. *Акафист в честь Владимирской иконы Божией Матери // Православный церковный календарь. М., 1981. С. 70–74.*
38. *Ин канон екзаметрический, глас тойже. Творение Патриарха Сергия // Минея. Июнь. Т. 2. М., 1986. С. 61–69 (18 июня).*
39. *Н. Д. Успенский.*

ЖУРНАЛ **7•1997**
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
